

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

БАРАБАНЩИКИ И ШПИОНЫ

*Марсельеза
Аркадия Гайдара*

ИРИНА ГЛУЩЕНКО

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2015

УДК 82.091
ББК 83
Г55

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
доктор философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии РАН
ИГОРЬ ЧУБАРОВ

Глуценко, И.

Г55 Барабанщики и шпионы. Марсельеза Аркадия Гайдара [Текст] / И. Глуценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 96 с. — (Исследования культуры). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-1289-0 (в пер.).

Книга Ирины Глуценко представляет собой культурологическое расследование. Автор приглашает читателя проверить наличие параллельных мотивов в трех произведениях, на первый взгляд не подлежащих сравнению: «Судьба барабанщика» Аркадия Гайдара (1938), «Дар» Владимира Набокова (1937) и «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова (1938). Выявление скрытой общности в книгах красного командира Гражданской войны, аристократа-эмигранта и бывшего врача в белогвардейской армии позволяет уловить дух времени конца 1930-х годов. В качестве исследовательского подхода для этого автор развивает метод почти произвольных параллелей, не обусловленных причинными связями. Авторское расследование перерастает литературные рамки: в книге использованы не публиковавшиеся прежде архивные материалы, относящиеся к тому же — дьявольскому и будничному — времени, в котором проживал свою судьбу загадочный барабанщик, поколение, читавшее о нем, да и сам Аркадий Гайдар.

Книга предназначена для историков, культурологов, филологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся советским прошлым и его включенностью в мировую историю.

УДК 82.091
ББК 83

ISBN 978-5-7598-1289-0

© Глуценко И.В., 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ОТКРЫТЫЕ КНИГИ.	9
I. ПУТАНИЦА	12
МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ	13
БАЛ И КАРНАВАЛ.	16
СТАРЬЕВЩИК И ПРОЦЕНТЩИЦА	21
СОВЕТСКИЙ МИР И ПРЕИСПОДНЯЯ	23
СЕРЕЖА ЩЕРБАЧОВ И ФЕДОР ГОДУНОВ-ЧЕРДЫНЦЕВ.	27
МАЛЬЧИК И ДЕВОЧКА.	30
ЕРШАЛАИМ И КИЕВ.	35
ТОПОР И ПИСТОЛЕТ	36
БРАУНИНГ И РЕВОЛЬВЕР	42
БАРАБАНЩИК И ПРОКУРАТОР	44
II. РАССЛЕДОВАНИЕ	48
СУДЬБА «БАРАБАНЩИКА»	49
LE TAMBOUR	51
КНИГА ИЗ БИБЛИОТЕКИ.	56
ПРЕДАННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	59

III. ВОЙНА	62
ЧЕРНИЛА, ВАКСА, КЕРОСИН	62
НОВЫЕ ЧИТАТЕЛИ	66
В ПОИСКАХ ШПИОНОВ	68
ГДЕ ВЫ УЧИЛИСЬ НА ПИСАТЕЛЯ?	71
ВОЙНА	79
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. МЕТОД ПОЧТИ ПРОИЗВОЛЬНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	86

*В неевклидовых геометриях
может иметься более одной
параллельной линии.*

Автор благодарит Ариадну Павловну Бажову, Петра Егоровича Гайдара, а также директора Литературно-мемориального музея А.П. Гайдара г. Арзамаса Елену Владимировну Бундакову и хранителя фондов этого музея Людмилу Сергеевну Герасимову за бесценную и добрую помощь, оказанную во время работы над книгой.

ВВЕДЕНИЕ. ОТКРЫТЫЕ КНИГИ

Что делает автор на страницах этой книги? Главным образом, распутывает связи.

Зачем он это делает? Чтобы расследовать тайну, которая, как ему кажется, заключена в повести Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика».

Что побудило автора поделиться с читателем? Расследование завело далеко и переросло первоначальные рамки.

Каковы были эти первоначальные рамки? Убедиться в наличии параллельных мотивов в несравнимых, на первый взгляд, произведениях: «Судьба барабанщика» Аркадия Петровича Гайдара, «Дар» Владимира Владимировича Набокова и «Мастер и Маргарита» Михаила Афанасьевича Булгакова.

Как выстроился этот ряд? По случайному стечению обстоятельств, в котором, впрочем, автор усматривает нечто большее, чем *просто* случайность, коль скоро эта случайность оказалась реализованной, в то время как большое число других возможностей остались нереализованными. Автор и в самом деле придает большее значение тому, что случилось, по сравнению с тем, что всего лишь *могло* случиться.

Как были расширены первоначальные рамки? Неожиданно для самого автора. «Преступление и наказание» Достоевского, забытые детские книжки о Великой французской революции и письма, которые читатели — ровесники барабанщика — писали Аркадию Гайдару, дополнили картину.

Зачем понадобилось искать параллельные мотивы? Любая книга написана так, как ее задумал писатель, находящийся в своих, индивидуальных, обстоятельствах. Но сравнения с другими книгами помогают выйти за пределы индивидуального, увидев общее

там, где параллели искать не принято. Сравнение — это новый инструмент, который позволяет разглядеть интересующий нас ландшафт под другим углом, с другой разрешающей способностью и в другом спектре восприятия. В конце концов, вырисовываются универсалии.

Что вдохновляло автора? Данное Бенедиктом Сарновым сравнение других, казалось бы, несравнимых произведений: «Камеры обскура» Набокова и «Возвращенной молодости» Зощенко. Читали они друга друга или нет (конечно, интереснее, если не читали), но в обеих книгах нашлось немало сюжетных и даже текстуальных совпадений. Это и убедило автора, что подобные сравнения не только возможны, но и осмысленны.

Что еще повлияло на автора? Замечание Мариэтты Чудаковой, определенно выходящее за рамки конкретной проблематики, ее интересовавшей: «Бывают эпохи, когда в обществе, в самой общественной атмосфере возникают некие интенции, общие для всех. И они проявляются в творчестве очень разных авторов (так, например, в немецкой литературе в 1940-е годы возникают некие общие мотивы в творчестве не только мировоззренчески и художественно полярных, но еще и разделенных океаном писателей — Анны Зегерс и Томаса Манна)»¹.

Какой период интересует автора в наибольшей степени и почему? Конец 1930-х годов. Это время становления, оформления и, наконец, уверенного заявления о себе «советского». По им самим созданной традиции советское рисуется отличным от всего остального.

Разделяет ли автор идею о коренном отличии советского от всего остального? Автору случалось многократно убеждаться в том, что советское существовало и развивалось в рамках общих трендов.

¹ Чудакова М. Две книги о герое-авторе // Новые работы 2003–2006. М.: Время, 2007. С. 117.

В чем автор видит общность? Само по себе наличие параллелей в написанном Набоковым, Гайдаром и Булгаковым означает, что, несмотря на различия, в том числе и в читательской аудитории, имеется инвариант текущего времени — *Zeitgeist*.

В чем автор усматривает присутствие Zeitgeist? В возможности, оглядываясь назад, сказать: «О, это тридцатые годы!», — даже если в том или ином обсуждаемом тексте нет упоминаний о реалиях истории.

Какова роль времени в данном и других случаях? Нивелировать несущественное и подчеркивать существенное.

Чем были очевидно разъединены Гайдар, Набоков и Булгаков? Происхождением, классовой принадлежностью, личным опытом, географическим местоположением, материальными условиями жизни, идеологией.

Чем были неочевидно объединены упомянутые писатели? Апелляцией к читателю, принадлежностью к русской культуре, эпохой. Временем, прошедшим с момента выхода их произведений, и привилегией современного читателя держать книги этих непохожих авторов одновременно открытыми у себя на столе.

I. Путаница

29 апреля 1918 года четырнадцатилетний Аркадий Голиков записал в своем дневнике: «В одной деревне жили двое детей. Они были сироты»¹. Что это? Мелькнувшая мысль, сюжет для небольшого рассказа?

Двадцать лет спустя Аркадий Гайдар напишет повесть «Судьба барабанщика». Главный ее герой, четырнадцатилетний Сережа Щербачов, в какой-то момент жизни остается совершенно один.

Сиротство приходит к нему постепенно.

Сначала утонула мать. Потом женился отец и привел мачеху Валентину. А потом и самого отца посадили за растрату.

Случилось это как раз в тот день, когда Сережа возвращался домой веселый, потому что его наконец поставили старшим барабанщиком четвертого отряда.

«И, вбегая к себе во двор, где шумели под теплым солнцем соседские ребятишки, громко отбивал я линейкой по ранцу торжественный марш-поход, когда всей оравой кинулись они мне навстречу, наперебой выкрикивая, что у нас дома был обыск и отца моего забрала милиция и увезла в тюрьму»².

Двенадцатилетний Сережа мысленно прощается с отцом на пять лет и плачет, потому что в мальчишеские годы он с отцом больше не встретится. Два года спустя Валентина выходит замуж за инструктора Осоавиахима, который как-то само собой переезжает к ним. Летом Валентина легкомысленно оставила Сереже 150 рублей и укатила с мужем на Кавказ.

¹ РГАЛИ. Ф. 1672. Гайдар (Голиков) Аркадий Петрович. Оп. 2. Ед. хр. 1 (1). Л. 40.

² Здесь и далее «Судьба барабанщика» цит. по изд.: Гайдар А. Судьба барабанщика. СПб.: Азбука, 2000.

«Вернувшись с вокзала, я долго слонялся из угла в угол. И когда от ветра хлопнула оконная форточка и я услышал, как на кухне котенок наш осторожно лакает оставленное среди неприбранной посуды молоко, то понял, что теперь в квартире я остался совсем один».

Никто не беспокоится о судьбе мальчика; зашел пару раз пионервожатый, но не застал Сережу дома. Неуютная, пыльная летняя Москва, опустевшая квартира, в которую по ночам светит желтый фонарь Метростроя, и пионер, еще ребенок, предоставленный самому себе.

Сережа честно пытается составить план своей жизни — вести хозяйство, записаться в библиотеку, подтянуть географию и математику, — но ничего не выходит. Жизнь круто поворачивает в сторону.

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ

«Я вышел во двор, — рассказывает Сережа. — Но большинство знакомых ребят уже разъехалось по дачам. Вздымая белую пыль, каменщики проламывали подвальную стену. Все кругом было изрыто ямами, завалено кирпичом, досками и бревнами. К тому же с окон и балконов жильцы вывесили зимнюю одежду, и повсюду тошнотворно пахло нафталином».

Перенесемся на 72 года назад. «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, — всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши»³. Так жарким летним вечером чувствовал себя недоучившийся петербургский студент Родион Романович Раскольников.

³ Здесь и далее «Преступление и наказание» цит. по изд.: *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.*: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 6.

Петербуржскому юноше и советскому мальчику предстоит убить человека. Впрочем, мало ли убийств совершалось в мировой литературе. Пока что нас интересует городская история. О Петербурге с его планированием, климатом писали задолго до Достоевского. Но когда Достоевский описывает состояние героя, потерянного в толпе, он обращается к принципиально новой ситуации — это ситуация урбанистического одиночества. В такой же Москве живет Сережа. Петербург в XIX веке уже был настоящим мегаполисом; Москва же в те времена еще считалась «большой деревней». К тридцатым годам XX века столица Советского Союза, перестроенная в соответствии с планами Лазаря Кагановича, превратилась в образцовый современный город с метро, многоэтажными домами, огромными скоплениями людей.

Не только движение транспорта или регулярность улиц притягивает писателей в этих больших городах. Город, который они видят, часто показан со двора, с изнанки, с черного хода, полный суетливой, мелкой, бытовой жизнью. У Достоевского: вонь, известка, пыль, кирпич. У Гайдара: пыль, ямы, доски, бревна, тошнотворный запах нафталина. И Раскольников, и Сережа бродят по улицам, почти не замечая окружающей городской среды, да и не желая ее замечать. У петербургского студента и московского школьника есть важная общая черта: оба они отчаянно, болезненно одиноки в большом городе. Москва Гайдара и Петербург Достоевского даются через сознание одинокого героя⁴.

Раскольников обычно «бежал всякого общества», но перед убийством для Родиона Романовича наступило «странное время». Его вдруг «потянуло к людям», он

⁴ Гайдар любил Достоевского. О круге чтения Гайдара подробно рассказано в дипломной работе Е.В. Денисенко «Методика изучения детского чтения на примере чтения детей конца XIX — начала XX века» (Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2004. 91 с. Рукопись).

против правил идет в распивочную выпить холодного пива. Странное время наступило и для Сережи. Ведь он спасается от одиночества в компании жулика Юрки и «огонь-ребят». Они занимаются мошенничеством, темными делишками. Наивного Сережу напоили пивом; он выбалтывает незнакомым людям про свою жизнь всё, ничего не утаивая.

Жизнь становится похожа на запутанный сон. Раскольников не помнит, как очутился на улице, не помнит, с каким намерением вышел из дому, что-то надо было сделать, но он позабыл, что. Сережа после сцены в пивной не помнит, как попал домой, как очнулся у себя в кровати.

Оба погружаются в лихорадочное состояние: забыть, тяжелый сон, полуобморочный жар. Сон не может подкрепить Раскольникова; он часто спит не раздеваясь. Сережа бухается в постель и, не раздеваясь, засыпает.

За год до «Судьбы барабанщика», в тридцать седьмом, Владимир Набоков закончил роман «Дар»⁵ о молодом русском поэте, которому неуютно и одиноко в Берлине. Федор Константинович Годунов-Чердынцев и Сережа Щербачов одиноки в большом городе, затерянные в мелочах городского быта; неважно, что один из них — Берлин, а другой — Москва. Попробуем-ка разобраться, где тут Набоков, а где Гайдар, а для наглядности перемешаем тексты:

«Вдруг знакомый протяжный вой донесся из глубины двора через форточку. Это уныло кричал старьевщик».

«Со двора по утрам раздавалось — тонко и сдержанно-певуче: “Prima Kartoffel”, — как трепещет сердце молодого овоща! — или же замогильный бас возглашал: “Blumen Erde”».

⁵ Здесь и далее «Дар» цит. по изд.: *Набоков В. Дар*. СПб.: Азбука, 2000.

«В стук выколачиваемых ковров иногда вмешивалась шарманка».

«К тому же с окон и балконов жильцы вывесили зимнюю одежду, и повсюду тошнотворно пахло нафталином»⁶.

Москва Гайдара похожа на Петербург Достоевского, но похожа она и на Берлин Набокова. Достоевский был, пожалуй, первым русским писателем, изобразившим урбанизированное общество. В XX веке явления, характерные для Петербурга времен Достоевского, становятся фактически нормой. Набоков, как и Гайдар, существует в контексте городской цивилизации.

Городская жизнь с точки зрения героя-наблюдателя выглядит довольно бессмысленной. В Берлине Федору Константиновичу все равно, продают картофель или нет. А фонарь Метростроя, который на самом деле связан с выдающимся техническим проектом XX века, в реальной жизни Сережи — просто помеха, которая ночью не дает спать. Городской муравейник не увлекает героев, не включает в свой процесс, они, находясь внутри, в него не интегрированы. Сережа в тоске слоняется без дела по улице, точно по Набокову, ничем с ним не связанной, живя на глазах у чужих вещей.

БАЛ И КАРНАВАЛ

Сережа спасается в одиночестве публичном. Днем он еще занят, а по вечерам что-то выталкивает его из дома. Он пробует развлечься в парке (сначала в Сокольниках, затем в Парке культуры). Парк представляется идеальным местом для покинутого мальчика: там толпа, шум, звуки, запахи, иллюзия жизни. «Было еще светло, и с берега пускали разноцветные дымовые ракеты. Пахло водой, смолой, порохом и цветами». Но в толпе еще более одиноко, чем дома. Сережа, говоря

⁶ Авторство цитат для озадаченного читателя: Гайдар, Набоков, Набоков, Гайдар.

словами Остапа Бендера, чужой на этом празднике жизни. «Бродил я долго, но счастья мне не было. Музыка играла все громче и громче». Тут вспоминается чеховское «Музыка играет так весело». Совсем не весело было трем сестрам, которые были уверены, что лучше Москвы нет ничего на свете. Тридцать восемь лет спустя Сережа уже в Москве («от большого горя мы переехали в Москву»), но счастья все равно нет, мечта сестер разбита.

Описание карнавала в парке отсылает еще к одному чеховскому тексту — пьесе Тrepлева из «Чайки», где действие происходит через двести тысяч лет, где холодно, холодно, холодно.

«Монахи, рыцари, орлы, стрекозы, бабочки [чеховские “Люди, львы, орлы, куропатки”?] со смехом проносились мимо, не задевая меня и со мной не заговаривая. В своей дешевенькой полумаске из пахнувшего клеем картона я стоял под деревом, одинокий, угрюмый, и уже сожалел о том, что затесался в это веселое, шумливое сборище».

За этим и тень Печорина, равнодушного, лишнего, написанного за сто лет до Сережи. «Я — как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты». А когда появится Нина в полумаске и Сережа будет покупать ей мороженое, мелькнет тень другого маскарада.

Прежде чем попасть на карнавал, Сереже надо спуститься в метро.

Про московское метро в те годы сочиняли радостные, веселые песни. «Ну и как же это, братцы, получается, все так в жизни перепуталось хитро — чтоб запряхь тебя, я утром отправляюсь от Сокольников до парка на метро», — пел от имени извозчика Леонид Утесов. А «Песня о метро» 1936 года⁷ и вовсе легкомысленна: «Там солнце улыбалось бетону, кирпичу, и

⁷ Музыка П. Ипполитова, слова Н. Берендгофа.

Лазарь Каганович нас хлопал по плечу». У Гайдара же метро напоминает преисподнюю.

«Точно кто-то за мной гнался, выскочил я из дому и добежал до метро. Поезда только что прошли в обе стороны, и на платформах никого не было. Из темных тоннелей дул прохладный ветерок. Далеко под землей тихо что-то гудело и постукивало. Красный глаз светофора глядел на меня не мигая, тревожно».

Метро, конечно, условное, невозможно, чтобы сейчас было пусто, а совсем скоро станции заполнились бы толпами.

Булгаков начал писать «Мастера и Маргариту» в двадцатые годы, но более или менее законченный вариант перепечатал как раз в 1938 году. Известно, что Булгаков устраивал читки своих рукописей⁸. Нет достоверных свидетельств того, что Гайдар мог слушать отрывки романа, впрочем, их могли пересказать... Конечно, знакомство с текстом Булгакова хотя бы гипотетически более вероятно, чем с романом Набокова. И все же читать «Мастера» Гайдар не мог; в лучшем случае — что-то слышал. Однако через гайдаровское метро можно проникнуть на бал к Сатане.

У Гайдара: красный глаз светофора, темные тоннели, пустота. У Булгакова: подземелье, темнота, огонек. «Было темно, как в подземелье [...] и Маргарита невольно уцепилась за плащ Азazelло, опасаясь споткнуться. Но тут вдалеке и вверху замигал огонек какой-то лампы и начал приближаться»⁹. Ждет Сережа, ждет и Маргарита. «Эти десять секунд показались Маргарите чрезвычайно длинными. По-видимому, они истек-

⁸ Об истории создания романа и читках подробно рассказано в кн.: *Чудакова М.* Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988.

⁹ Здесь и далее «Мастер и Маргарита» цит. по изд.: *Булгаков М.* Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М.: Альфа-книга, 2009.

ли уже, и ровно ничего не произошло. Но тут вдруг что-то грохнуло вниз в громадном камине, и из него выскочила виселица с болтающимся на ней полурассыпавшимся прахом [...] Теперь снизу уже стеною шел народ, как бы штурмуя площадку, на которой стояла Маргарита». У Гайдара: «Вдруг пустынные платформы ожили, зашумели. Внезапно возникли люди. Они шли, торопились. Их было много, но становилось все больше — целые толпы, сотни...».

Но на бал просто так не попадешь; нужны специальные атрибуты. Маргарите на грудь вешают тяжелое изображение пуделя, Сереже тоже нужен своеобразный пропуск — маска. «Сзади напирала очередь, и раздумывать было некогда. Я заплатил два рубля за маску, два за вход и, пройдя через контроль, смешался с веселой толпой». «Ничего, ничего, ничего! — бормотал Коровьев [...] — ничего не поделаешь, надо, надо, надо».

Маска — это разрешение на проход в другое пространство. Есть в Москве некий параллельный мир, где нет никаких каменщиков и прачек.

Пройдя контроль, Сережа оказывается там же, где и Маргарита, — в тропическом лесу: «Мы взбирались на цветущие холмы, спускались в зеленые овраги, бродили меж густых деревьев». У Булгакова: «Красногрудые зеленохвостые попугаи цеплялись за лианы, перескакивали по ним и оглушительно кричали: “Я восхищен!”» На Серезином пути встречаются «веселые пастухи, отважные охотники и мрачные разбойники», а также «добрые звери, злобные страшилы и чудовища». Двадцатый век, московская толпа.

Описывая «блестящий карнавал» в Парке культуры, Гайдар, скорее всего, вдохновлялся реальными карнавалами, проходившими там¹⁰. А не могли ли, кстати, советские карнавалы 1930-х годов повлиять на Булгакова, когда он писал бал у Сатаны?

¹⁰ См. *Кухер К.* Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

В библейских сценах «Мастера» есть свой «блестящий карнавал» — Пасха в Ершалаиме. Там праздничные огни, пламя светильников, славословия. В Москве с берега пускают разноцветные дымовые ракеты, пахнет водой, смолой, порохом и цветами.

Низа, заманившая Иуду в ловушку, появляется из толпы, как и подружка Сережи, Нина:

«...в кипении и толчее его обогнала как бы танцующей походкой идущая легкая женщина в черном покрывале, накинутом на самые глаза [...] молодой человек догнал женщину и, тяжело дыша от волнения, окликнул ее:

— Низа!»

«Она обрадовалась, схватила меня за руки и заговорила:

— Ах, какое, Сереженька, горе! Ты знаешь, я потерялась. Где-то тут сестра Зинаида, подруги, мальчишки... Я подошла к киоску выпить воды. Вдруг — трах! бабах! — труба... пальба... Бегут какие-то солдаты — все в стороны, все смешалось; я туда, я сюда, а наших нет и нет... Ты почему один? Ты тоже потерялся?»

Нет, Низа, конечно, не могла так сказать...

«Но мы не нашли тех, кого искали, — продолжает Сережа, — вероятно потому, что волшебный дух, который вселился в меня в этот вечер, нарочно водил нас как раз не туда, куда было надо. И я об этом догадывался и тихонько над этим смеялся».

В Маргариту на ту ночь тоже вселился «волшебный дух». Да и с Ниной творится что-то неладное.

«Когда я буду большая, — задумчиво сказала Нина, — я тоже что-нибудь такое сделаю.

— Какое?

— Не знаю! Может быть, куда-нибудь полечу».

Нина вот-вот понесется над Москвой, как и Маргарита. «Невидима и свободна! Невидима и свободна!»

Наверное, в парке особый воздух. Люди совершают безумные поступки. Сережа, считающий себя почти нищим, забыв все на свете, выхватывает из кармана бумажник. «Деньги! А это что — не деньги? Мы ужинали, я покупал кофе, конфеты, печенье, мороженое». Одним словом, Сатана там правит бал.

«Или, может быть, будет война, — возбужденно продолжает Нина. — Смотри, Сережа, огонь! Ты будешь командиром батареи. Ого! Тогда берегитесь... Смотри, Сережа! Огонь... огонь... и еще огонь!»

«Тогда огонь! — вскричал Азazelло. — Огонь, с которого все началось и которым мы все заканчиваем.

— Огонь! — страшно прокричала Маргарита [...]

— Гори, гори, прежняя жизнь!

— Гори, страдание! — кричала Маргарита».

Нина убегает. Сережа опять остается один. И в самом деле, зачем Нине и ее отцу, честному и несгибаемому Платону Половцеву, нужна дружба с ворами?

Оба писателя уловили тот злоеший и волшебный дух, что царил в Москве в тридцатые годы, и — каждый по-своему — описали его. Как будто вместе с переносом столицы в Москву следом перекочевала и петербургская чертовщина.

СТАРЬЕВЩИК И ПРОЦЕНТЩИЦА

У одиночества наших героев есть не только психологическая, но и материальная сторона: им катастрофически не хватает денег.

Советский пионер и студент-разночинец одеты плохо, особенно жалки их головные уборы. Шляпа Родиона Романовича «вся в дырах и пятнах, без полей»; у Сережи безобразная кепка с дырой, которую он прожиг у костра.

По-своему беден и набоковский Федор Константинович: сапожник отказался чинить ему башмаки, а при покупке новых обнаружилось, что нога «плохо заштопана». Каблук Сережиного ботинка был стоптан, но он, в отличие от берлинского жителя, пытается починить ботинок сам: «...чтобы подровнять, я сдернул клещами каблук у другого, потом гвозди забил молотком».

Безденежье и неприкаянность взаимосвязанны. В «Судьбе барабанщика» появляется не самая типичная для советской литературы тема — тема нищеты. Впрочем, сначала Сережа при деньгах. Ведь Валентина оставила ему на месяц целых 150 рублей, но дурацкие траты вроде покупки фотоаппарата, а потом его починки, страсть к развлечениям приводят к тому, что он быстро остается на мели. Сначала Сережа пытается найти деньги в запертом ящике письменного стола. Но он лишь портит замок и ломает ключ: вместо денег находит черный браунинг, принадлежащий мужу Валентины. Браунинг, точно по Чехову, конечно же, выстрелит.

Что делают Родион Романович и Сережа в сходных жизненных ситуациях? «Парнишке из благородных» приходится закладывать вещи, советскому мальчику — продавать; другого способа наш барабанщик не находит. Естественно, оба на этом теряют.

Раскольников приносит старухе серебряные часы. Однако старуха дает издевательски мало: «Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с».

Своя «процентщица» есть и у Сережи. Это старьевщик. Для пионера, лихорадочно думающего, где бы достать деньги, старьевщик оказывается последней надеждой. Сережа зазывает старьевщика домой, вываливает перед ним кучу вещей: коньки, куртку, рубашку, футбольный мяч. Однако опытный старьевщик дает лишь шесть рублей.

«Как шесть рублей? За такую кучу всего шесть рублей, когда мне надо тридцать?!»

Точно так же реагирует и Раскольников.

«Полтора рубля! — вскрикнул молодой человек.

— Ваша воля. — И старуха протянула ему обратно часы.

Молодой человек рассердился и намеревался уже уйти; но вспомнил, что идти больше некуда. “Давайте!” — сказал он грубо».

Сереза тоже «попробовал было торговаться». Но старьевщик «стоял молча и только изредка лениво повторял: “Шесть рублей. Цена хорошая”».

За вторую порцию барахла старьевщик накидывает еще пять рублей, и тогда Сереза продает, видимо, самую дорогую вещь в доме: Валентинину меховую горжетку. Серезе, как и Раскольникову, некуда больше идти.

Сереза решил одну проблему, но мгновенно увяз в других: грядущее разоблачение кражи, взломанный ящик стола, найденный пистолет. Теперь он придумывает нарочно не запирать квартиру, чтобы потом все свалить на воров; сам выпутаться из катастрофы он, конечно, не сможет.

Юный барабанщик столкнулся с вечными проблемами — нищетой и наживой.

СОВЕТСКИЙ МИР И ПРЕИСПОДНЯЯ

В мире Серези, откуда ни возьмись, возникает таинственный дядя. Для Серези дядя — спасительный поворот сюжета, он просто обязан был соткаться из воздуха, как Коровьев.

Низкорослый толстый человек в сером костюме и желтых ботинках запросто проникает в Серезину квартиру, распевает там песни и даже ставит примус. «Вор, очевидно, кипятил чайник и собирался у нас завтракать», — изумляется Сереза. Дядя ведет себя так же нагло, как потом будут вести себя постояльцы в квартире Берлиоза.

«А... где же вы будете жить?»

— В вашей квартире, — вдруг развязно ответил сумасшедший и подмигнул».

Причем в обоих случаях пребывание в квартире оказывается более уместным, чем в гостинице. «Мальчишка один. Квартира пустая. Лучше всякой гостиницы», — говорит «дядя». Воланд тоже «нипочем не желает жить в гостинице», хотя председатель жилтоварищества Никанор Иванович возражает, что «иностранцам полагается жить в “Метрополе”, а вовсе не на частных квартирах»¹¹.

Вскоре вслед за дядей появляется отвратный старик Яков, и они завладевают Сережиной квартирой, как своей собственной.

Гораздо позже Сережа будет мучиться неразрешимыми для детского ума вопросами.

«А может быть, — думал я, — дядя мой совсем и не жулик. Может быть, он и правда какой-нибудь ученый или химик. Никто не признает его изобретения, или что-нибудь в этом роде. Он втайне ищет какой-либо утерянный или украденный рецепт.

— Дядя, — задумчиво спросил я, — а вы не изобретатель?»

— Тсс... — приложив палец к губам и хитро подмигнув мне, тихо ответил дядя. — Об этом пока не будем... ни слова!»

Михаил Александрович Берлиоз на Патриарших прудах тоже терзается, кто этот таинственный незнакомец.

«Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? — спросил Берлиоз [...] — А у вас какая специальность? [...] — Я — специалист по черной ма-

¹¹ Сходство дяди и Воланда отметил в свое время Г. Хазагеров в статье «Бесы в судьбе барабанщика». Он выявляет «бесовское» в обеих книгах, концентрируясь на мотивах «тревоги» и «исчезновения», свойственных атмосфере 1930-х. <<http://www.khazagerov.com/gaidar.html>>.

гии». Но и «дядя» — тоже своего рода специалист по черной магии. У него есть исчезающие чернила, волшебная бумага, склянки со сладковатым эфиром, поддельные документы, ордена, сколько угодно денег и много чего еще.

Но пока что дядя вызывает доверие. Дело не только в детской наивности: многие исследователи отмечают, что герой Гайдара гораздо взрослее, чем полагается мальчику его лет. «Дядя» появляется в самый отчаянный, последний момент, когда надежд у Сережи больше не остается. Потому-то и дядя, и даже пришедший вслед за ним старик Яков поначалу грезятся Сереже неким подобием семьи.

Дядя напоминает одновременно и Воланда, и Коровьева. Те же шуточки и прибаутки, те же преувеличения, надрызг: «Ах, годы!.. Ах, невозвратные годы!.. Но, как видишь, орел!.. Коршун!.. Экие глаза! Экие острые, пронизательные глаза! Огонь! Фонари! Проекторы...». Сравним эти восклицания с отрывистыми, театрально-громкими вскриками Коровьева: «Начисто, — крикнул Коровьев, и слезы побежали у него изпод пенсне потоками, — начисто! Я был свидетелем. Верите — раз! Голова — прочь! Правая нога — хрусть, пополам! Левая — хрусть, пополам».

С приездом дяди и Якова в квартире мальчика поселяются запахи из ада: «...через щель под дверью ко мне дополз какой-то въедливый, приторный запах. Пахло не то бензином, не то эфиром, не то еще какой-то дрянью». В квартире Берлиоза, когда там уже живет нечистая сила, «вся передняя наполнилась запахом эфира, валерьянки и еще какой-то мерзости».

Нечистая сила или нет, но все обязаны временно прописаться в квартире. «Пересчитав деньги, председатель получил от Коровьева паспорт иностранца для временной прописки»; «...раздался звонок, просунулся в дверь дворник Николай и протянул дяде листки для прописки». Разумеется, ни дядя, ни Воланд всерьез прописываться в московских квартирах не собираются.

С появлением гостей для Сережи меняется и Москва. Мальчик гонится за своими постояльцами, мечтая сфотографировать их, — не зря же он покупал фотоаппарат! Но ничего не получается.

«Дядя и старик Яков только что вышли за ворота и свернули направо. Тогда я схватил фотоаппарат и помчался вслед за ними. Долго ловчился я поймать дядю в фокус. Но то его заслоняли, то меня толкали прохожие или пугали трамваи и автобусы».

Неуловимые приятели ускользают от объектива фотоаппарата подобно тому, как вампиры не отражаются в зеркалах.

Иван Бездомный у Булгакова тоже отчаянно пытался настичь «преступников». Поэт преследует их от Спиридоновки до Никитских ворот, но там усиливается толчея, Иван налетает на прохожих, но ни на шаг не приближается к неизвестным.

В Киеве Сережа будет сочинять стихи и записывать их на дядиной бумаге. Он успел написать десять строчек про матросов и девиц, что-то отвлекло его, и когда он вновь взял листок, то увидел, что первых четырех только что написанных строк на бумаге уже нет. А пятая «быстро таяла на глазах, как сухой белый лед, не оставляя на этой колдовской бумаге ни следа, ни пятнышка». Документы, которые получил от «гастролера» Никанор Иванович, тоже испаряются без следа: «В портфеле ничего не было: ни Степиного письма, ни контракта, ни иностранцева паспорта, ни денег, ни контрамарки».

И хотя у Булгакова действуют посланцы ада, а у Гайдара — бандиты и шпионы, и те и другие пользуются одинаковыми приспособлениями. Ситуации в каком-то смысле зеркальны. В «Мастере» Бездомный скажет Берлиозу, что Воланд никакой не интурист, а шпион, а в «Барабанщике» реальный шпион похож на нечистую силу.

Советский мир, оказывается, полон чертовщины.

СЕРЕЖА ЩЕРБАЧОВ И ФЕДОР ГОДУНОВ-ЧЕРДЫНЦЕВ

Вот Сереже предстоит сняться с места и поехать вместе с дядей неведомо куда. Он пытается привести в порядок свою одежду; чистит брюки бензином, а ботинки — ваксой. Непонятно, как быть с дырявой кепкой, но мальчик — вслед за героем Зощенко, сторонником военного коммунизма Василием Митрофановичем — решает, что днем будет кепку держать в руках, «будто бы мне все время жарко», а вечером сойдет и с дырой¹².

От Сережи после всех приготовлений пахнет скипидаром, бензином, ваксой. Однако дядя не доволен результатом и называет его одежды, не по-советски, балахонами, в которых мальчик напоминает церковного певчего.

Друг Раскольников, деятельный Разумихин, и дядя заменяют лохмотья своих подопечных на более приличные костюмы. Оба достают неизвестно где комплект вещей, в который герои тут же и переодеваются.

Разумихин приносит Раскольникову «касбетку», серые панталоны, жилетку и сапоги. Дядя протягивает Сереже сверток. «В нем были короткие, до колен, защитного цвета штаны, такая же щеголеватая курточка с множеством карманов и карманчиков, желтые сандалии, пионерский галстук с блестящей пряжкой, косая, как у летчика, пилотка и небольшой кожаный рюкзак». Раскольников слушает Разумихина с отвращением, Сережа хватает «добро» дрожащими руками и бежит переодеваться.

Старая жизнь закончилась.

И здесь возникает тема прощания с жилищем. Съезжает с квартиры Сережа, съезжает и набоковский Федор Константинович.

¹² Локтев из рассказа М. Зощенко «Прелести культуры» (1927) советует Василию Митрофановичу, оказавшемуся в театре в ночной рубашке и не понимающему новых требований к зрителям, сделать вид, что это «летняя рубашка апаш и тебе, одним словом, в ней все время жарко».

«Вскоре мы собрались, — рассказывает Сережа. — Ключ от квартиры я отнес управдому, котенка отдал дворничихе». Федор Константинович «вынес вещи, пошел проститься с хозяйкой [...] отдал ей ключи и вышел».

Гайдар еще задерживается на этом прощании, не позволяя Сереже уйти просто так.

«У ворот я остановился. Вот он, наш двор. Вот уже зажгли знакомый фонарь возле шахты Метростроя, тот, что озаряет по ночам наши комнаты.

А вон высоко, рядом с трубой, три окошка нашей квартиры, и на пыльных стеклах прежней отцовской комнаты, где подолгу когда-то играли мы с Ниной, отражается луч заходящего солнца. Прощайте! Все равно там теперь пусто и никого нет».

Сережа, кажется, не прикипел к своему жилью, словно живет на съемной квартире, как и Годунов-Чердынцев. Не так ли и с героями Достоевского, которые обычно снимают «от жильцов»?

«Случалось ли тебе, читатель, испытывать тонкую грусть расставания с нелюбимой обителью? — вопрошает Набоков. — Не разрывается сердце, как при прощании с предметами, милыми нам [...] Я бы тебе сказал прощай, но ты бы даже не услышала моего прощания. Все-таки — прощай. Ровно два года я прожил здесь, обо многом здесь думал, тень моего каравана шла по этим обоям, лилии росли на ковре из папиросного пепла, — но теперь путешествие кончилось».

Уютное, родное — все осталось в прошлом. И в «Даре», и в «Барабанщике» это прошлое связано с темой отца. Отец для Сережи так же окутан тайной, болью, разлукой, как то ли пропавший когда-то, то ли погибший отец Федора Константиновича. Сережин отец, осужденный за растрату, в душе поэт. Его стихи и песни хранят сына от злой судьбы. «Как описать блаженство наших прогулок с отцом по лесам, полям, торфяным

болотам [...] как описать чувство, испытываемое мной, когда он мне показывал все те места, где сам в детстве ловил то-то и то-то», — вспоминает Федор Константинович. Сережа подхватывает: «Помнишь, как в глухом лесу звонко и печально куковала кукушка и ты научил меня находить в небе голубую Полярную звезду? А потом мы шагали на огонек в поле и дружно распевали твои простые солдатские песни. Помнишь, как из окна вагона ты показал мне однажды пустую поляну в желтых одуванчиках, стог сена, шалаш, бугор, березу?»

Набоковский герой грезит, что отец когда-нибудь вернется. «Отец часто являлся ему во сне, будто только что вернувшийся с какой-то чудовищной каторги, перенесший телесные пытки, о которых упоминать заказано, уже переодевшийся в чистое белье, — о теле под ним нельзя думать...»

Сереже повезло: его отец придет. И не с вымышленной, но с настоящей каторги. Его не пытали, но он покалечен. «Я смотрю на его левую руку: большого пальца до половины нет. Смотрю на голову: слева, выше виска, шрам. Раньше его не было». Возвращение каторжника, которого очень ждали.

А что если Сережа какой-нибудь внук другого набоковского героя, Николая Гавриловича Чернышевского? Советский пионер и русский революционер точно сделаны из одного теста. Перемешаем опять гайдаровскую и набоковскую прозу:

«Мы присутствуем при том, как изобретательный Николай Гаврилович замышляет штопание своих старых панталон: ниток черных не оказалось, потому он какие нашлись принял за макать в чернила [...] Чернилами же [...] он мазал трещины на обуви, когда не хватало ваксы; или же, чтобы замаскировать дырку в сапоге, заворачивал ступню в черный галстук».

«Если бы еще оставалась подкладка, то ее можно было бы замазать чернилами. Но подкладки не

было, а мазать чернилами свой затылок мне, конечно, не хотелось».

«Бил стаканы, всё пачкал, всё портил: любовь к вещественности без взаимности. Найдя в бумажном мешочке за окном лимон, он попытался кляксы вывести, но только испачкал лимон да подоконник, где оставил зловредные нитки. Тогда он обратился к помощи ножа и стал скоблить».

«Вычистил и вздумал было прогладить свою рубашку, но сжег воротник, начал и, откашливаясь и чертыхаясь, сунул утюг в печку...»

«А потом донимала изжога. Вообще питался всякой дрянью — был нищ и нерасторопен».

«Пил жидкий чай, съедал только одну булочку и жадничал на каждом куске сахару. Но зато к обеду, подгоняемый голодом, накупал я наспех совсем не то, что было надо. Спешил, торопился, проливал, портил»¹³.

Пойдем еще дальше и заметим, что из-за спины Чернышевского выглядывает Акакий Акакиевич Башмачкин, с худым гардеробом, со своей баночкой с чернилами, наблюдает, как экономит Сережа, и говорит маленькому — причем маленькому в самом прямом смысле этого слова — человеку, который появится только через 100 лет: «Я брат твой».

МАЛЬЧИК И ДЕВОЧКА

Универсалии на этом не заканчиваются. Гайдар в «Судьбе барабанщика» предвосхитит образ, который возникнет у Набокова лишь в 1955 году. «Лолита», конечно, предварена повестью «Волшебник» 1939 года,

¹³ С бытом борются один за другим: Чернышевский, Сережа, Чернышевский, Сережа, Чернышевский, Сережа.

где Набоков репетирует гумбертовскую тему, да и в «Даре» будущая история Лолиты сначала прокручивается пошлейшим Щеголевым («...старый пес, — но еще в соку, с огнем, с жаждой счастья, — знакомится с вдовицей, а у нее дочка, совсем еще девочка, — знаете, когда еще ничего не оформилось, а уже ходит так, что с ума сойти»), но не мог же Гайдар всего этого читать?..

В «Волшебнике» героиня еще без имени, она названа просто Девочка, и нимфеточный образ в ней только нащупывается: «Девочка в лиловом, двенадцати лет [...] торопливо и твердо переступая роликами, на гравии не катившимися, приподнимая и опуская их с хрустом, японскими шажками приближалась к его скамье сквозь переменное счастье».

Однако ее товарка из советской страны, написанная годом ранее, выведена куда откровеннее и могла бы понравиться Гумберту Гумберту: «Вдруг — вся в черном и в золотых звездах — вылетела из-за сиреневого куста девчонка. Не заметив меня, она быстро наклонилась, поправляя резинку высокого чулка; полумаска соскользнула ей на губы [...] Ей тогда было тринадцать-четырнадцать, и она училась в шестом классе двадцать четвертой школы». Такова Нина Половцева, дочь офицера (матери у нее, как назло, нет)¹⁴.

Пройдет полтора десятка лет, и Набоков напишет наконец свою совершенную школьницу: «Если же закрываю глаза, вижу всего лишь застывшую часть ее образа, рекламный диапозитив, проблеск прелестной гладкой кожи с исподу ляжки, когда она, сидя и подняв высоко колено под клетчатой юбочкой, завязывает шнурок башмака».

¹⁴ Впрочем, и Зина из «Дара» появляется примерно так же: «Из темноты, для глаз всегда неожиданно, она как тень внезапно появлялась, от родственной стихии отделяясь. Сначала освещались только ноги, так ставимые тесно, что казалось, она идет по тонкому канату. Она была в коротком летнем платье ночного цвета — цвета фонарей, теней, стволов, лоснящейся панели: бледнее рук ее, темней лица».

Как силен порыв Сережи, когда он хочет еще раз наглядеться на свою «душеньку»: «Постой, — помолчал немного, попросил я, — не надевай маску. Дай-ка я на тебя посмотрю, ведь мы с тобой давно уже не виделись. Было, очевидно, в моем лице что-то такое, от чего Нина разом притихла и смутилась. Прекрасны были ее виноватые глаза, которые глядели на меня прямо и открыто». Отсюда еще чуть-чуть до гумбертовского «и взять твою голову в мои недостойные руки, и подтянуть кверху кожу висков с обеих сторон, и поцеловать твои окитайченные глаза».

Тринадцатилетнюю Нину Половцеву, ученицу шестого класса двадцать четвертой школы, можно уверенно поместить между Девочкой из «Волшебника» и Лолитой.

Но здесь сопоставление выявляет, скорее, различие, чем сходство. И там, и тут есть девочка с «нимфической сущностью», «маленький смертоносный демон». Если в текстах Набокова мы смотрим на нимфеток глазами взрослого мужчины («необходима разница между девочкой и женщиной»), то у Гайдара девочку видит ее сверстник. Сережа ей ровня, как был ровней Гумберт своей Аннабелле.

Но и сам Сережа находится в «нимфеточном» возрасте, повторяя взросление Лолиты: от двенадцати до четырнадцати лет. Фальшивый дядя и фальшивый отец везут куда-то своих сирот. И хотя цели у взрослых разные, они запугивают детей тривиальными способами. Сережа «виноват»: он продал Валентину горжетку, взломал ящик с пистолетом. «Другой бы на моем месте тотчас же сообщил об этом в милицию, — говорит дядя. — Тебя бы, мошенника, забрали, арестовали и отослали в колонию... Но я добр! Я вижу, что ты раскаиваешься, что ты глуп, и я тебя не выдам. Жаль, что нет бога и тебе, дубина, некого благодарить за то, что у тебя, на счастье, такой добрый дядя».

Гумберт Гумберт расписывает Лолите возможное будущее, если ей придет в голову донести на него. «Пока

я буду томиться за решеткой, тебе [...] предложен будет выбор между несколькими обиталищами, в общем довольно между собой схожими; дисциплинарную школу, исправительное заведение, приют для беспризорных подростков или одно из тех превосходных убежищ для несовершеннолетних правонарушителей».

Дядя пугает колонией, Гумберт — исправительным заведением.

Оба силой и обманом вырывают послушание доставшихся им детей.

«Иди, делай, как тебе приказано, и тогда все будет хорошо», — говорит дядя. «Что бы ни произошло, я останусь твоим опекуном и, если ты будешь вести себя хорошо...», — обещает Гумберт Лолите.

Взрослые рисуют перед детьми туманную цель, которую они вот-вот достигнут, если будут держаться друг друга. «Стал меня дядя вдруг хвалить и сказал мне, что я должен быть спокоен и тверд, потому что счастье мое лежит уже не за горами», — утешает себя Сережа. «Я часами старался создать в угоду ей впечатление, что мы живём “полной жизнью”, что катимся по направлению к некоему необыкновенному удовольствию», — бьется с непослушной девчонкой Гумберт.

Сережа, как и Лолита, мучается своим ненастоящим, неестественным положением. Все дети вокруг живут обычной детской жизнью, и лишь Сережа должен прятаться и что-то скрывать.

Вот Славка, ничего не подозревая, спрашивает Сережу, кто его отец.

«У меня дядя... — запнулся я. — Он, кажется, ученый... химик...

— А отец?

— А отец... отец... Эх, Славка, Славка! Что же ты, искал, искал контргайку, а сам ее каблуком в песок затоптал — и не видишь.

Наклонившись, долго выковыривал я гайку пальцем и, сидя на корточках, счищал и сдувал с нее песчинки.

Я кусал губы от обиды. Сколько ни говорил я себе, что теперь я должен быть честным и правдивым, — язык так и не поворачивался сказать Славке, что отец у меня осужден за растрату».

Лолита испытывает страшные муки, когда наблюдает, как ее толстенькая подружка Авис Чапман ластится к отцу, усаживается к нему на колени. Авис — просто ребенок, а отец — просто отец. «Я заметил, как улыбка Лолиты стала гаснуть, превратилась в оцепеневшую тень улыбки, и фруктовый нож соскользнул со стола и серебряным черенком случайно ударил ее в щиколку».

Заметим, что Лолите сочувствует сам Гумберт — собственно, тот, кто и является ее мучителем и одновременно псевдоотцом. А Сереже? Конечно, не тот, кто увозит его. За Сережиным «я» стоит Автор, который ни на минуту не забывает, что это «я» ребенка.

Гайдаровский Сережа один-единственный раз позабывал мальчику, у которого есть настоящая семья — мама, пусть даже где-то не близко, добрая бабушка и, главное, героический и смелый отец.

Добренькая Авис утешает Лолиту, ведь у нее самой и «отличный» отец, и «маленький щекастый брат, и только что родившаяся сестричка, и домашний уют, и две шотландских овчарки, умеющие улыбаться, а у Лолиты ничего не было».

У Сережи тоже ничего не было.

Сережа, как позднее Лолита, станет воплощением детского одиночества.

«Книга очень поучительная, она учит нас быть бдительными, не доверять “дядям”»¹⁵, — писали Гайдару в 1939 году читатели Ворошиловградской библиотеки. Кто бы сказал такое Лолите?

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1672. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 11 (об).

ЕРШАЛАИМ И КИЕВ

Два подозрительных человека везут Сережу в Серпухов, потом в Киев. Там они поселяются у полубезумной старухи. Мальчик по наущению дяди должен познакомиться со Славкой — сыном крупного военного инженера, сблизиться с ним и помочь преступникам убить Славкиного отца. Сережа об этом, конечно, не знает. Дядя обещает, что скоро отвезет его в Одессу и отдаст в мичманскую школу.

И в «Мастере», и в «Барабанщике» Москва уравновешивается другим, волшебным, городом.

«Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонейский дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Ершалаим — великий город, как будто не существовал на свете».

Зачем понадобился Гайдару Киев? Этот город, в отличие от вполне реальной Москвы, почти никак не описан: здесь нет ни одного адреса, ни одного конкретного места. Есть лишь ощущение древнего, пышного богатства:

«А на горе, над обрывом, громоздились белые здания, казалось — дворцы, башни, светлые, величавые. И, пока мы подъезжали, они неторопливо разворачивались, становились вполоборота, проглядывая одно за другим через могучие каменные плечи, и сверкали голубым стеклом, серебром и золотом... Дядя дернул меня за плечо:

— Друг мой! Что с тобой: столбняк, отупение? Я кричу, я дергаю... Давай собирай вещи.

— Это что? — как в полусне, спросил я, указывая рукой за окошко.

— А, это? Это все называется город Киев».

Похоже ли это на реальную столицу советской Украины? Такой город мог бы стоять и на берегу Средиземного моря. Только в отличие от Ершалаима он «светел и прекрасен». Впрочем, во *втором* городе, как и у Булгакова, московский фарс сменяется трагическими событиями. Вспомним «Белую гвардию» Булгакова: там Киев не назван, это — Город, то есть тот же Вечный Город, что и Москва, и Ершалаим. Именно в веселом городе Киеве ранят инженера, Сережа убьет Якова и чуть не погибнет сам. «И дрожащим голосом она рассказала мне, что в лесу на обратном пути кто-то ударил Славкиного отца ножом в спину и сейчас он в больнице лежит при смерти» («...я получил сегодня сведения о том, что его зарежут сегодня ночью», — говорит Пилат Афранию). В Киевской области три года спустя погибнет и Гайдар...

Именно в Киеве Сережа догадывается, что он — лишь фигурка в злодейском плане и фальшивый дядя вместе с Яковым вовсе не те, за кого они себя выдают.

Второй город понадобился Гайдару для развязки. История не смогла бы распутаться в Москве.

ТОПОР И ПИСТОЛЕТ

Повесть между тем приближается к финалу. Сереже, как и одному его литературному собрату, скоро надо будет убить человека. Весь дальнейший ход событий и изменение состояний Сережи оказываются подготовкой к убийству.

Вновь Сережа и Раскольников действуют и чувствуют одинаково. Жар, лихорадка, забытье. У Сережи пропадает аппетит: «Проснулся. Солнце. Зелень. Голова горячая. Дяди уже не было». Родион Романович: «съел немного, без аппетита, ложки три-четыре, как бы машинально». Сережа «вышел и задумчиво побрел куда-то. Щеки горели, и во рту было сухо. Несколько раз останавливался я у киосков и жадно пил ледяную воду. Устал наконец и сел на скамейку под густым каш-

таном. Глубокое безразличие овладело мной, и я уже не думал ни о дяде, ни о старике Якове. Мелькали обрывки мыслей, какие-то цветные картинки». Раскольников «пошел домой; но дойдя уже до Петровского острова, остановился в полном изнеможении, сошел с дороги, вошел в кусты, пал на траву и в ту же минуту заснул».

Раскольников перед убийством делает фальшивый заклад. «Сложив обе дощечки, из коих железная была меньше деревянной, он связал их вместе накрепко, крест-накрест, ниткой; потом аккуратнo и щеголеватo увертел их в чистую белую бумагу и обвязал тоненькою тесемочкой, тоже накрест, а узелок приладил так, чтобы помудренее было развязать».

Сережа поначалу хочет сдать браунинг в стол находок: «...утром я вытряхнул печенье из фанерной коробки, натолкал газетной бумаги, положил туда браунинг, завернул коробку, туго перевязал бечевкой и украдкой от дяди вышел на улицу». Так и хочется воскликнуть словами Алены Ивановны: «Да что он тут навертел!»

Однако Сережа не решается избавиться от пистолета, увидев, сколько тут бюрократической муки с одной галошей. (Вставной эпизод, буквально цитата из рассказа Зощенко «Галоша» 1926 года: «Верим и вполне сочувствуем, и очень вероятно, что это вы потеряли именно эту галошу. Но отдать не можем. Принеси удостоверение, что ты, действительно, потерял эту галошу», — требовали у героя Зощенко. «Итак... означенная калоша, номер четырнадцать, на левую ногу, обнаружена вами у ворот, проходя в пивную лавку номер сорок шесть. Так ли я записал?» — спрашивает милиционер у рыжеусого персонажа Гайдара, на миг появившегося в повести.) Сережа не хочет связываться с милиционерами из стола находок и опять идет слоняться без цели. Наконец он делает запрос в справочном бюро: что там насчет мичманской школы в Одессе? Через полчаса ему сообщают, что никакой

мичманской школы в Одессе нет и не было. «На душе было пусто и холодно. Ничего теперь впереди не светило, не обнадеживало и не согревало». Сережа понимает, что дядя и старик Яков затащили его в страшную историю, из которой он уже не выберется.

Сначала Гайдар словно присматривается к будущей драме, причем не без намеков на Достоевского. Происходит карикатурная репетиция убийства, в котором, кстати, возникает топор, да и старуха тоже.

«...во дворике промелькнуло лицо старухи. Волосы ее были растрепаны, и она что-то кричала.

Тотчас же вслед за ней из кухни с топором в руке выбежал ее престарелый сын; лицо у него было мокрое и красное.

— Послушай! — запыхавшись и протягивая мне топор, крикнул он. — Не можешь ли ты отрубить ей голову?

— Нет, нет, не могу! — завопил я, отскакивая на сажень в сторону. — Я... я кричать буду!

— Но она же, дурак, курица! — гневно гаркнул на меня бородастый. — Мы насилу ее поймали, и у меня дрожат руки».

Курица как-то связана со старухой. Вспомним, между прочим, портрет Алены Ивановны: «На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было навешено какое-то фланелевое тряпье».

«Нет, нет! — еще не оправившись от испуга, бормотал я. — И курице не могу... Никому не могу».

Впрочем, довольно скоро выяснится, что Сережа может убить.

Он чувствует, что впереди его ждет какое-то страшное испытание, что неминуемо придется переступить через пропасть, чтобы наконец избавиться от наваждения. И это та судьба, которая, конечно же, *fatum*.

«Так стоял я, вздрагивая; слезы катились, падали на осыпанные известкой сандали, и мне стано-

вилось легче [...] Кто его знает почему, мне казалось, что счастье мое было уже недалеко...»

Раскольников захвачен сходными чувствами, но уже после убийства, перед тем как решает сознаться: «И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения... Всё разом в нем размягчилось, и хлынули слезы».

Виктор Пелевин в повести «Жизнь насекомых» назвал Сережу Раскольниковым, который идет до конца. Раскольников по Пелевину не может убить без болезненной саморефлексии, а Сережа, чуждый страхов и сомнений, просто начинает весело палить из браунинга...¹⁶

Но зачем тогда понадобился Гайдару разговор мальчика с внутренним голосом? Сережа боится «страшных людей», мечтает еще выскользнуть из этой ситуации, уговаривает голос, просит отсрочку, но потом замечает в расщелине пистолет, который сам же сюда и положил, и понимает, что выхода нет. Как только он потянулся к браунингу, голос заговорил с ним «тепло и ласково».

Сережа выстрелил, но, в отличие от Алены Ивановны, жертва в ответ открывает огонь. «И в следующее же мгновение пуля, выпущенная тем, кого я еще так недавно звал дядей, крепко заткнула мне горло».

«Маленький мальчик и большой герой был убит», — сказал бы здесь Виктор Гюго. Но наш барабанщик выживет.

И Сережа, и Раскольников преодолевают себя. Однако цели у них разные. Герою Достоевского надо доказать себе, что он имеет право подняться над общим уровнем и перешагнуть через иные препятствия. А Сереже — доказать себе и другим, что он является полноправным членом социума, и, возможно, смыть грех отца. Убий-

¹⁶ Пелевин В. Жизнь насекомых. М.: Вагриус, 2003. С. 162.

ство ставит Раскольникова вне общества, на чем и играет хитрый следователь Порфирий Петрович, а Сережу, наоборот, возвращает в общество как полноценного гражданина, и следователь НКВД с ним ласков.

Сережа узнает, что «стал убийцей» лишь после того, как оправился от долгого забытья. К нему приходит Славка и бойко рассказывает, что же произошло на самом деле.

«Их посадили? — угрюмо спросил я.

— Кого “их”?

— Ну, этих, который дядя, — и Яков.

— Но ты же... ты же убил Якова, — пробормотал Славка и, по-видимому, сам испугался, не сказал ли он мне лишнего».

К изумлению Славки, эта новость не вызывает у Сережи никакого волнения.

«Разве?

— Ну да! — быстро затараторил Славка, увидев, что я даже не вздрогнул, а не то чтобы упасть в обморок. — Ты встал, и ты выстрелил. Но дом-то ведь был уже окружен и от калитки и от забора — их уже выследили. Тебе бы еще подождать две-три минуты, так их все равно бы захватили!

— Вон что! Значит, выходит, что и стрелял-то я напрасно!»

Раскольников упал в обморок в конторе, когда услышал, как обсуждают убийство старухи. Сережа, узнав, что убил человека, «даже не вздрогнул».

Советский мальчик отличается от русского студента: первый был преступником, а второй оказался героем. Никакого раскаяния, лишь облегчение. Надо было только выстрелить, чтобы все наладилось чудесным образом: отец вернется, начнется новая, прекрасная жизнь.

«В старой литературе человек, переступивший через чужую жизнь, сразу становился не таким, каким

он был за минуту до этого, — писал Бенедикт Сарнов в книге “Случай Зоценко”. — И в глазах окружающих, и в собственных своих глазах он становился “убийцей”¹⁷.

Конечно, Сережа стреляет в преступников, которые к тому же, как вскоре выясняется, вооружены, но все равно он осознанно переступает границу, преодолевая себя.

Раскольников живет в мире, где еще не было ни Мировой, ни Гражданской войны. Сережа, как и его создатель, — продукт иной эпохи. «Находясь с 14 лет на командных должностях Р.К.К.И., — пишет ответственный секретарь Енисейского губернского комитета в апреле 1922 года, — тов. Голиков является одним из немногих членов Р.К.С.М., доблестно вынесших на себе тяжести всей гражданской войны 1918–22 года»¹⁸.

Ситуации Сережи и Раскольникова оказываются зеркальными. Для Раскольникова осознание того, что он стал убийцей, приводит к постоянно усиливающимся мучениям. А у Сережи наоборот: убив Якова, он освобождается от душевных страданий. Ответ на вопрос «зачем я стрелял?» заключен именно здесь. Убить Якова нужно было не за тем, чтобы облегчить дело работникам НКВД, которые и так уже окружили сад (хотя Сережа этого не знает), а чтобы самому снять с себя груз. Сережа теперь может смотреть в глаза людям «прямо, открыто и честно».

«А вы замечали, что среди героев Гайдара нет счастливых детей?.. — писал А. Ефремов в предисловии к книге “Судьба барабанщика”. — Перед читателем проходят непонятые, страдающие отроки, отроки, несущие свою жизнь, как тягостный крест [...] Когда-то Лев Николаевич Толстой сказал о “пустыне отрочества”. Мог ли он представить себе, какой ста-

¹⁷ Сарнов Б. Случай Зоценко. М.: РИК «Культура», 1993. С. 211.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1672. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1–1 (об).

нет эта пустыня под пером детского писателя конца тридцатых?..»¹⁹

БРАУНИНГ И РЕВОЛЬВЕР

Есть в «Судьбе барабанщика» и «Даре» один сквозной сюжет: рассказ об оружии, которое постепенно набирает силу. У Гайдара это черный браунинг, а у Набокова — револьвер. Револьвер, правда, будет принадлежать не Годунову-Чердынцеву, а пародийному Яше. Годунов-Чердынцев отличается от Раскольникова и Сережи тем, что он своим Даром защищен и от убийства, и от самоубийства, и даже от безысходности ностальгии (ключ от России у него всегда с собой). Сережа странно сближается именно с Яшей; оба пишут стихи про матросов...

Браунинг появляется в «Судьбе барабанщика» не сразу. Сережа, пытаясь найти деньги, взламывает ящик письменного стола и находит черный, тускло поблескивающий от смазки боевой браунинг. «Я вынул обойму; в ней было шесть патронов, седьмого не доставало». Быть может, это тот же браунинг, что был выдан когда-то Аркадию Петровичу Голикову.

«Р.С.Ф.С.Р.

Управление особого отдела ВЧК

Особый отдел при реввоенсовете войск, действующих в Тамбовской губернии, отделение № 3
30 июля дня 1921 г. № 300, гор. Моршанск

Удостоверение

Тов. Голикову Аркадию Петровичу по роду...
(обрыв) должности разрешается (обрыв) системы «Браунинг»... патрон

Нач. особого отд.

Комендант (подпись неразб.)»²⁰

¹⁹ Ефремов А. Три попытки Аркадия Гайдара // Гайдар А. Судьба барабанщика. СПб.: Азбука, 2000. С. 6–31.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1672. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

В начале повествования о Федоре Годунове-Чердынцеве рассказана история Яши — молодого человека, несчастно и нелепо окончившего свою жизнь. В истории самоубийства Яши Чернышевского появляется и лежит в колыбели «темненький новорожденный револьвер». Сережин пистолет тоже до поры лежит в своей колыбельке — ящике. «Я сунул браунинг на прежнее место, закрыл газетой и задвинул ящик».

Черный браунинг, как и револьвер, будет расти и наполняться соками и в конце концов сыграет свою роль. Сережа убьет бандита, но и сам в ответ получит пулю в горло.

Набоковский сюжет развивается стремительно: «К весне револьвер вырос. Он принадлежал Рудольфу, но долгое время незаметно переходил от одного к другому».

Сережа не знает, что дядя захватит в Киев и браунинг. Оружие постепенно начинает жить своей жизнью, по-гоголевски одушевляясь. Браунинг «незаметно переходит» к дяде. Мальчик наткнулся на него случайно. «Я открыл портфель. Салфетка, рубашка, два галстука, помазок, бритва, красные мужские подвязки... катушка ниток, пузырек с валерьяновыми каплями. Еще носки, носки...» (в другой набоковской повести, «Машенька», 1927 года, Ганин положит в чемодан «разнородные штучки» вроде носовых платков, бритвенных ножей, носков и браунинга!). Европейские и советские разнородные штучки не так уж и различаются. Не потому ли, что дядя — шпион?

Сережа узнает тот самый пистолет, который лежал в ящике. Браунинг не решается перейти к Сереже, и тот пока кладет его обратно в портфель. Однако вскоре мальчик понимает, что оружие злодеям оставлять нельзя. Он прячет браунинг в карман, потом срывает лист лопуха, заворачивает в него пистолет и сует в расщелину.

Яша с друзьями между тем отправляются на тройное самоубийство, запасшись «толстым и самостоятельным

револьвером». Первым стреляться выпадает Яше. Он никак не может выстрелить. Он сидит на коряге среди прошлогодних листьев и произносит: «Я сейчас готов». Сережа понимает, что бандиты уйдут от него. «Я растерянно огляделся и увидел между камнями пожелтевший лопух, в который был завернут браунинг».

Сережа боится взять браунинг, но преодолевая себя, делает усилие: «Я открыл глаза и потянулся к браунингу».

Яша наконец решается: «...оба ясно услышали сухой хлопок выстрела». Решается и Сережа. «И я сжал браунинг. Встал и выпрямился. Тогда я выстрелил раз, другой, третий... Старик Яков вдруг остановился и неловко попятился». Сережа убивает Якова. Другой Яков, вернее Яша, убивает себя.

Пистолет и револьвер сделали свое дело.

Герои Гайдара и Набокова существуют в неудобном, открытом пространстве, где рождается, растет и зреет оружие. «Судьба барабанщика» и «Дар» объединены общим временем: в воздухе близкое ощущение войны. Есть оно в Берлине, есть и в Москве, есть и в Киеве.

Мы-то знаем, что будет через несколько лет. Ни авторы, ни герои этих произведений пока ничего не знают, но они не могут не чувствовать. Гайдар и Набоков вряд ли подозревали о существовании друг друга. Но тексты их выдают общее настроение. В обеих книгах в воздухе проносится аэроплан: Славку столкнули с горящего аэроплана, а в Берлине показывают «точное место, где на днях упал небольшой аэроплан». От этих «аэропланов» — которые вскоре станут самолетами — идет тревога. Скоро, очень скоро, их станет совсем много.

БАРАБАНЩИК И ПРОКУРАТОР

Сережа приходит в себя после ранения.

«Сколько времени все это продолжалось, я, конечно, тогда не знал.

Когда я очнулся, то видел сначала над собой только белый потолок, и я думал: “Вот потолок — белый”.

Потом, не поворачивая головы, искоса через пролет окна видел краешек голубого неба и думал: “Вот небо — голубое”.

Потом надо мной стоял человек в халате, изпод которого виднелись военные петлицы, и я думал: “Вот военный человек в халате”».

Иван Бездомный, не выдержавший встречи с нечистой силой, пробуждается в клинике профессора Стравинского.

«Некоторое время он соображал, каким это образом он попал в неизвестную комнату с белыми стенами, с удивительным ночным столиком из какого-то светлого металла и с белой шторой, за которой чувствовалось солнце.

Иван тряхнул головой, убедился в том, что она не болит, и вспомнил, что он находится в лечебнице».

В обеих больницах вскоре появляется ласковый следователь. К Иванушке приходит «молодой, круглолицый, спокойный и мягкий в обращении человек», один из лучших следователей Москвы, к Сереже — майор НКВД Герчаков.

«Два раза приходил ко мне человек в военной форме, — делится с нами Сережа. — И тут же, в саду, вели мы с ним неторопливый разговор... Все рассказал я ему про свою жизнь, по порядку, ничего не утаивая».

Понтий Пилат лежит на ложе в саду, в тишине, под колоннами. «За сегодняшний день уже второй раз на него пала тоска». Почти что под колоннами сидит в больничном саду и Сережа. «У ног моих лежал маленький, поросший лилиями пруд. Тени птиц, пролетавших над садом, бесшумно скользили по его темной поверхности». Пятый прокуратор Иудеи около двух тысяч лет сидит на этой площадке, пока, наконец, Воланд не

скажет Мастеру: «Ваш роман прочитали» — и Пилата простят. «Тут я мог сидеть часами и был спокоен, — рассказывает Сережа. — Но стоило мне поднять голову — и когда передо мной раскидывались широкие желтеющие поля, когда за полями, на горизонте, голубели деревеньки, леса, рощи, когда я видел, что мир широк, огромен и мне еще непонятен, тогда казалось, что в этом маленьком саду мне не хватит воздуха. Я открывал рот и старался дышать чаще и глубже, и тогда охватывала меня необъяснимая тоска». Можно для порядка припомнить здесь и ссыльнокааторжного Раскольниково, сидящего на берегу реки, который «смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила».

Тоска, происходящая от необратимости.

Гайдар безжалостен: описывая Сережин покой, он вновь возвращается к страшному для мальчика ощущению. «Славка уехал. Долго сидел я. И улыбался, перебирая в памяти весь наш разговор. Но глаза поднять от земли к широкому горизонту боялся. Знал, что все равно налетит сразу, навалится и задавит тоска». Не только и не столько освобождение несет ему убийство, но и муку — не так ведь прост Сережа...

Но история на этом не заканчивается. За что убивал Сережа? За что испытывает он эти библейские муки? Получит ли он прощение и вечный приют?

«Придет время, все узнают, зачем все это, для чего эти страдания», — говорила чеховская Ирина в «Трех сестрах». Для чего?

А вот для чего.

Понтий Пилат просит у Левия Матвея хартию, где записаны слова Иешуа. Пилат разворачивает свиток пергамента и разбирает корявые строчки. «Смерти нет... Вчера мы ели сладкие весенние баккуроты...», — с трудом читает он. «Будь ты проклята, — бормотал я, — такая жизнь, когда человек должен всего бояться, как кролик, как заяц, как серая трусливая мышь!» Тут

Пилат вздрогнул. В последних строчках пергамента он разобрал слова: «...большого порока... трусость...». Гримасничая от напряжения, Пилат щурился, читал: «Пройдут годы. Не будет у нас уже ни рабочих, ни крестьян. Все и во всем будут равны. Но Красная Армия останется еще надолго». Нет, конечно, он читал другое: «Мы увидим чистую реку воды жизни... Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл...». Пилат продолжает читать, разбирая малоразборчивые чернильные знаки: «И только когда сметут волны революции все границы, а вместе с ними погибнет последний провокатор, последний шпион и враг счастливого народа, тогда и все песни будут ничьи, а просто и звонко — человеческие».

«Ваш роман прочитали», — говорят Гайдару. Над черной бездной, в которую ушли стены, загорелся необъятный город. С волнением вглядываюсь я в смутные очертания этого могучего города. Уже целыми пачками вспыхивают огни. Прокуратор бежит по лунной дороге за своим остроухим псом. Сережа с отцом идут, взявшись за руки²¹. Люди, что их встречали, дружески улыгнулись им и сказали Сереже: «Свободен! Свободен!»

У Гайдара: «Здравствуйте!»

²¹ Тексты Булгакова и Гайдара сознательно перепутаны.